

Анатолий Иванов

ТЕМНО ЖИЗНИ И ХОЛОД СМЕРТИ: ИЩУЩЕ И ЭВОЛА

Полярников у нас развелось - видимо-невидимо. Только и слышится отовсюду: "Гиперборея!", "Последний полюс!", "Парадигма Севера!", "Арктическая родина!", "Нордический дух!". Явственно представляется такая картина: Северный Ледовитый океан, уберега льдины плавают, и на каждой восседает в роденовской позе мыслитель. Каждый, кто видел зимой подмосковную речку, усыпанную любителями подледного лова, легко может себе это вообразить.

Знаменитый барон Юлиус Эвола завещал похоронить свой прах на альпийском леднике, что и было исполнено его последователями. Оно конечно, у всякого барона своя фантазия, но возникает законный вопрос: откуда такая противоестественная любовь к безжизненным, скованным вечным холодом пространствам?

В известной русской народной песне снежный покров сравнивается с саваном. У зороастрийцев холод это творение Дьявола, Аримана, а север - место его обитания. Не оттуда ли и все наши нордические поверья?

Как подчеркивают Франсуаза Ле Ру и Кристиан Гюйонварх, легендарные северные острова являются частью иного мира, они не расположены в нашем земном пространстве. Поэтому, продолжают названные авторы свою мысль, не следует толковать эти легенды буквально, когда речь идет о реальном происхождении кельтов в общем контексте индоевропейских миграции (Francoise Le Roux, Christian.J.Guyonvarc'h. Les Druides. 1993. p.309, 314).

Согласно кельтской ориентации, море по направлению к северу называлось левым, а по направлению к югу - правым. Южная половина мира, соответственно, была страной живых, северная - страной мертвых. (Ibid. p.300). Ледяным холодом царства мертвых веет от проповедей Эволы.

Посланцем античеловеческой северной половины он и пришел в наш мир. Та противоположность между мужской и женской духовностью, на которую он делал такой упор, была описана Людвигом Клагесом в его основной работе "Дух как противник души", только с переменной знака. Дух в немецком языке, как и в русском, мужского рода, душа - женского. Однако если сам Эвола превозносит этот мужской дух до небес и выше, то главным тезисом Клагеса, наоборот, является враждебность духа жизни. Начало мировой истории, по Клагесу, это вампирическое вторжение духа в полярную первичную действительность души и жизни. Глубокая пропасть разделяет переживание и осознание, Биос и Логос. Дух это не часть и тем более не венец души, а ее радикальный противник. Под духом Клагес понимал,

прежде всего, ориентацию человеческой воли на покорение природы с помощью чисто технически-инструментального разума. "Воля, - писал он - это сила, которая не стимулирует или движет жизнь, а тормозит ее, ограничивает и, в конечном счете, убивает. Воля это постоянно возобновляемое убийство жизни и ее символ - самоубийство".

Окончательной победой враждебного жизни начала было воцарение иудейского Яхве, но "вверху", в самом зените, стоит неподвижно и всасывает все в себя бесцветная световая точка, антисердце мира, Логос".

"Историческое христианство, отмечал Клагес, это паулинизм, а паулинизм это особая форма яхвизма. Не современное естествознание, а еще возникшее из еврейской религии христианство запустило тот планетарный процесс секуляризации, жертвой которой стал почти целиком ранее наполненный мифами и символами "пеласгический" мир бессознательного созерцания и стихийного действия. Провсвещение, эмпирически-рациональное естествознание и технико-промышленное завоевание мира уходят корнями в христианско-монотеистическую десакрализацию природы, ранее служившей объектом магических действий".

Мировая история, по Клагесу, это прогрессирующая профанация природы. В своей ненависти к живому, к чудесному, к образу, Логос безжалостно кромсает, превращает в мертвые вещи и лишает чар всю природу в той мере, в какой он может ее покорить. То, что человек делает с Землей, он делает с самим собой. Превращая природу в сырье, а планету Земля в Чикаго, он превращает сам себя в паразитического робота, убивает в самом себе все, что выше уровня технической целесообразности и рациональности".

Современная промышленно-техническая цивилизация, возникшая из христианства, антипразднична, антиэротична и антикосмична. капита-

лизм это практическое христианство. Внедряемая им во всем мире техника это современное воплощение Логоса./ Цит. по книге Gerd-Klaus Kaltenbrunner. Der schwierige Konservatismus. Herford-Berlin. 1975. S.255-258./

Нетрудно заметить, что в отдельных точках идеи Клагеса пересекаются с тем, что пишет Мигель Серрано в своей книге "Ману" (Сантьяго-де-Чили, 1991. Глава из этой книги "Голем" напечатана в журнале "Атака" №27). У Клагеса Яхве - враждебное жизни начало, у Серрано - "кибернетический монстр", созданный Демиургом по образу и подобию своему. "Сущность Врага рода человеческого - пишет Серрано - рациональное мышление. Отсюда можно сделать вывод, что аналогичное мышление землян, как творение Демиурга, представляет собой ловушку, с помощью которой он удерживает их в оковах". Результат такого мышления - "запрограммированность" на борьбу за покорение материального мира и господство над ним с помощью рационалистической технологии и машин. Развитие в этом направлении ведет к роботизации самого человека.

Таким образом, Клагес и Серрано едины в осуждении современной технической цивилизации и оба правильно видят ее истоки в еврейском монотеизме. Признания этой взаимосвязи есть и с другой стороны. Так автор вышедшей в Италии в 1946 г. книги "Спаситель" Романо Гуардини, выражающей христианскую точку зрения, видит смысл подвига Христа в том, что он "дал человеку независимость от природы и от самого себя", и признает, что отцом технической цивилизации является христианство"./Armin Mohler. Die konservative Revolution in Deutschland. 1918-1932. Darmstadt. 1972. S.83./

Возвращаясь к Клагесу, этому идейному антиподу Эволы, нельзя не обратить внимание на то, что противоположность точек зрения этих двух философов прослеживается вплоть до мелочей. Мы уже видели, что Клагес скорбит о "пеласгическом" мире, в то время как мнение Эволы о пеласах было самым отрицательным. Вызывавший восхищение Эволы Аполлон рассматривался Клагесом как бог духа, враждебного материнству, и для этого есть основания - взять хотя бы трагический миф о том, как "солнцеликий" Аполлон безжалостно перебил детей Ниобы. Теологию Клагеса называют "теологией Земли", а для Эволы не было худшего ругательства, чем "хтонизм". Клагес же, следуя завету Ницше, остался верным Земле.

Правда, Армин Молер, автор книги "Консервативная революция в Германии. 1918-1932", считает, что этот тезис Ницше понимают неправильно

как материалистическое ограниченное видимой частью мира, на самом деле якобы следует исходить из того, что есть лишь один мир./ A.Mohler. op.cit. S.123./ Обосновывает свое толкование А.Молер цитатой из "Заратустры": "Все идет, все возвращается; вечно вращается колесо бытия... В каждый миг начинается бытие: вокруг каждого "здесь" катится "там". Центр всюду. Кривая – путь вечности"./Ф.Ницше. Так говорил Заратустра. с.258./

А.Молер здесь сам отнюдь не блещет пониманием. Тот "центр" у Ницше, который "всюду", это мгновение. В другом месте у него говорится: "От этих врат Мгновения уходит длинный, вечный путь назад; позади нас лежит вечность... И не связаны ли все вещи так прочно, что это Мгновение влетит за собой все грядущее? Следовательно – еще и самого себя?" /Там же. с.182-183./

Почему это "центр", Ницше пояснит далее: "Хотели ли вы когда-либо дважды пережить мгновение, говорили ли вы когда-нибудь: "Ты нравишься мне, счастье! Миг! Мгновение!" Так хотели вы, чтобы все вернулось"./Там же с.377./ Таким образом, колесо вечного возвращения приводит в движение в определенный момент человеческая воля. А.Молер оказывает Ницше медвежью услугу, отчаяния его от "земной ограниченности". Сам Ницше этого бы не одобрил, он выражался достаточно недвусмысленно: "Бог есть мысль, которая делает все прямое кривым и все, что стоит, вращающимся. Как? Время исчезло бы, и все преходящее оказалось бы только ложью?.. Злым и враждебным человеку: называю я все это учение о едином, полном, неподвижном, сытом и непреходящем. Все, что не преходит, есть только символ!.. Но о времени и становлении должны говорить лучшие символы: хвалой должны они быть и оправданием всего, что преходит"./Ф.Ницше. Так говорил Заратустра. с.98./

Напомним, что Эвола, в противоположность Ницше, восхвалял как раз неподвижное и непреходящее и на нем строил всю свою философию. Ницше провидчески назвал это учение "враждебным человеку" задолго до того, как оно появилось, – Эвола тогда еще и не родился.

Ницше говорил: "Тот, кто не верит в круговорот Вселенной, должен верить в творящего произвол Бога"./ A.Mohler. op.cit. S.91./ Выбор, таким образом, определяется достаточно четко: либо монотеизм, либо цикличность.

Как пишет Ален де Бенуа, иудеохристианство "делает из прошлого окончательно пройденную точку на

линии, которая по необходимости ведет человечество из райского сада в мессианские времена"./ Alain de Benoist. Comment peut on etre païen. p.26./ Именно линей-

ность А.Молер совершенно справедливо считает самой характерной чертой христианского мировоззрения, опираясь при этом на писания самих христиан, в частности, вышеупомянутого Р.Гуардини, по мнению которого "содержанием всех великих религий до христианства был круговорот". Христос же этот круговорот "взорвал". Исходя из этого А.Молер и утверждает, что любая решающая атака на христианское мировоззрение начинается с опровержения идеи об "уникальности момента". Противоположная же идея возвращения подается им как главная в том направлении, которое он назвал "консервативной революцией", несовместимой, с его точки зрения, с христианством./A.Mohler. op.cit. S.80-82, 109, 118./

А как выглядит на этом фоне Ю.Эвола? С одной стороны, он вроде бы циклист: постоянно пишет о смене эпох, о деградации от золотого века к железному, после чего все опять начинается сначала, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что циклична у Эволы только мировая история, когда же он переходит к судьбе отдельной личности, его мышление сразу же становится линейным. Взять хотя бы его рассуждения о двух путях бессмертия, одним из которых следует "высшая", а другим – "низшие" расы. Второй путь – это "растворение в тотеме", "возврат к манам", перевоплощение души, "подвластной хтоническому закону". Это вполне соответствует христианской оценке языческого бессмертия, данной Р.Гуардини: "То, что существует в действительности, это жизнь рода, а индивидуум – только волна". /A.Mohler. op.cit. S.81./ А теперь давайте сравним с одной стороны Ницше, который пошел на полный разрыв с христианством, а с другой Эвола, мышление которого явно отягощено христианскими рецидивами. Кто из них выше? Ответ, я думаю, ясен.

Мировоззрение Эволы с его неподвижным, трансцендентным, а, проще говоря, потусторонним центром и мировоззрение Ницше, у которого "центр всюду", принципиально различны.

Ницше критиковал "идеологическую неестественность", которая "соответствует дуалистической концепции исключительно доброго и исключительно злого существа". С точки зрения Ницше, не существовало более опасной идеологии, потому что она "кончает тем, что признает природу злостью, человека – испорченным, а добродетель – милостью Божьей", в конечном итоге отрицает жизнь, приходит к выводу, что добро как высшая ценность осуждает жизнь./Ф.Ницше. Воля к власти. 1994. с.152-153./ Таким образом, Ницше считал логичным развитие дуалистических идей от зороастризма, признававшего божественность этого мира, за исключением тех его частей, которые поражены "аримановской инфекцией" (бесплодные земли и болота, ядовитые змеи и насекомые, зима с ее холодами), через манихейство к средневековым ересям типа катаризма, для которого воплощением зла был материальный мир как таковой, т. е. отрицание жизни – самый страшный грех в глазах Ницше – достигало своего апогея. Однако попытка спрятаться в духе от зол мате-

риального мира – иллюзорный выход, дух с не меньшим успехом может стать источником зла – вспомним Клагеса. Получается безвыходная ситуация: материя зло, дух тоже зло, и некуда бедному крестьянину податься.

Ошибка заключается в том, что мы переносим наши человеческие и всегда субъективные представления о добре и зле в те сферы, к которым эти представления неприменимы. Критикуя дуализм, Ницше сражался с фантомом, созданным человеческим сознанием, но сам тоже судил с "человеческой, слишком человеческой" точки зрения о том, о чем так судить нельзя. Он говорил, что добро и зло это реальности, которые взаимно дополняют друг друга, а не находятся в противоречии друг другу. Но что мы знаем о реальности? Мы знаем, что мир антагонистичен, что его предполагаемая гармония постоянно нарушается. Мы можем принять борьбу неких противоположных сил как данность, но ни в коем случае не связывать с ними наши земные понятия о добре и зле. Мы вообразили себе борьбу Бога с Дьяволом там, где если хотите, сражаются два Дьявола, одинаково равнодушные к жизни и к человеку, именно равнодушные, а не враждебные, – принимая их равнодушие за враждебность мы опять наделяем нечеловеческие силы человеческими свойствами.

Какая же роль отведена в этой космической борьбе материальному миру, жизни, человеку? Зороастризм учит, что мир был сотворен Богом для того, чтобы воздвигнуть некий барьер между самим собой и своим Противником. Таким образом, материальный мир представляет собой некую прослойку, разделяющую два антагонистических начала. Манихейство отличается от зороастризма тем, что не рассчитывает на победу Добра над Злом, а предполагает в конечном итоге возвращение этих двух начал в исходное состояние разделения. Таким образом, в одном случае мы имеем дело с надеждой на победу Добра, а другом – более ограниченную цель отделения от Зла, и в обоих случаях – все тот же непропорциональный перенос человеческих понятий в нечеловеческие сферы.

Гераклит учил, что "война – отец всех вещей" (πολεμος πατερ παντων). Это совпадает с зороастрийскими представлениями о сотворении мира как результате борьбы двух начал. Но у Гераклита мир "не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно". Здесь мы уже имеем дело с противоречием, которое требует объяснения.

Понятие о "сотворении мира" неразрывно связано с нашим традиционно примитивным и оять-таки сугубо человеческим представлением о времени. Однако, американский философ А.Грюнбаум указывает, что если мы попробуем представить себе время не открытым, а замкнутым, это совершенно изменит наш взгляд на мир. Данная логическая возможность обычно упускается из виду в теологических дискуссиях о творении. "Эта несостоятельность воображения оказывается несчастливой и в другом отношении: если бы время было космически замкнутым, то не было бы никакой проблемы начала или творения"./А.Грюнбаум. Философские

проблемы пространства и времени. М.1969. с.250./

Сотворение мира произошло, происходит, закончилось и еще не начиналось. Поскольку описать это с помощью земных понятий невозможно, Будда и относил вопросы типа “Вечен мир или не вечен?” и даже “Что он, одновременно вечен и не вечен?” к числу бесполезных. Точно так же обстоит дело и с двумя началами. Мы не можем гадать, были ли они первоначально едиными, а потом разделились. Их борьбу мы тоже воображаем как некое действие во времени, тогда как на самом деле она уже закончилась и еще не начиналась. Манихеи предполагали их первоначальную и конечную разделенность, но это опять предполагает некий временной цикл с возвращением в исходное состояние. Между тем, как пишет тот же А.Грюнбаум, “представление о замкнутости времени... гораздо более действенно, чем теория исторической цикличности. В теории исторических циклов рассматривается периодическое возвращение одних и тех же состояний в разные времена. Для этой концепции циклического возвращения необходимо, чтобы время было открытым”./А.Грюнбаум. цит.соч. с.250./ События и состояния представляются циклическими только в открытом времени, в замкнутом же времени они идентичны. Так что Ницше назвал свое учение не совсем точно “теорией вечного возвращения”, опираясь на уровень знаний своего времени, тогда как более правильно ее название – “теория вечного существования”.

Перспектива вечного возвращения многим казалась и кажется крайне непривлекательной. Против нее бунтовали, например, все инстинкты Отто Вейнингера, который считал, что “вертеться в круге – бессмысленно, беспечно”. “Кольцо – всегда символ чего-то аморального или антиморального; магический круг связывает, он отнимает свободу”./А.Mohler. Op. cit. S.78, 79./ Здесь отчетливо выявляется та враждебность морали жизни, о которой писал Ницше. Поскольку верчение в круге показалось Вейнингеру аморальным, он, дабы утвердить свою свободу, подобно Кириллову из “Бесов”, покончил с собой.

Но Вселенная, по-видимому, не случайно любит шаровые формы, и Природа не зря любит писать круги. Очевидно, эта разновидность движения является одной из основ мироздания, и замкнутое время подчинено той же закономерности.

Бессмысленность “верчения в круге” – только кажущаяся. Мы уже говорили о том, что материальный мир играет роль нейтрализующей прослойки между двумя антагонистическими силами. Позволю себе прибегнуть к несколько механическому сравнению: во избежание трения двух плоскостей между ними устанавливаются вращающиеся шарикоподшипники. Полоска шарикоподшипников может привести к разрушению плоскостей в результате взаимного трения, исчезновение материального мира привело бы к взаимной аннигиляции вышеупомянутых антагонистических сил. Так что само существование и Бога, и Дьявола, говоря традиционным языком, зависит от материального мира и от нас, как от его части. Вообразим себе мыс-

лящую частицу шарикоподшипника, которой надоело бы “бессмысленно крутиться”. Человек же часто поддается подобным настроениям, не осознавая своей роли.

В “Бахавадгите” Кришна поучает Арджуну: “Исчезли бы эти миры, если бы дел не свершал я” (III, 24). И призывает, следуя его примеру, совершать дела “для целокупности” (III, 25). Целокупность мира, точнее, само его существование, зависит от дел человеческих.

В этом смысле тезиса Ницше “центр всюду”. Как уже говорилось, согласно его трактовке, колесо вечно-го возвращения приводит в движение в определенный момент человеческая воля. Повторим ранее сделанное уточнение: колесо вечно-го существования не только отдельного человека, но и всего мироздания.

Ф.Ницше писал о “титанической природе” дионисовского духа /Ф.Ницше. Происхождение трагедии. С.40./, и противопоставлял Диониса “Распятому” /Ф.Ницше. Воля к власти. с.177./, т. е. высшее утверждение жизни высшему ее отрицанию. Но суть культа Диониса вовсе не в обожествлении природы. Ницше не находил Бога ни в природе, ни за природой. /Ф.Ницше. Антихрист. Сочинения. т.2. М.1990. с.672./ Природу не следует ни обожествлять, ни демонизировать вслед за Леоларди, который проповедовал, что природа – враг людей. В природе нет ни Бога, ни Дьявола, в смысле противостоящих друг другу доброго и злого начал, как нет их и в метафизическом плане, но есть противостояние антагонистических сил.

Сам Ницше тоже не сразу понял суть культа Диониса. Первоначально он думал, что будто в этом культе “не только возрождается союз человека с человеком, но и сама отчужденная от него, враждебная ему или поработенная им природа снова празднует свое примирение с ним, своим потерянным сыном”./Ф.Ницше. Происхождение трагедии. с.26./ Но в эту классически-идиллическую картину тут же вносится поправка: культ Диониса открывал перед человеком “бездну зла и познания”./Там же. с.39./

Ницше называл дионисовские оргии греков “днями просветления”. /Там же. с.30./ Термин “просветление” здесь очень кстати, особенно если вспомнить, какой смысл ему придается в буддизме (сатори). Просветление в дзен-буддизме достигается мгновенно: какое значение придавал мгновению Ницше, тоже известно. Просветление, однако, ошибочно воспринимается как осознание мировой гармонии: осознается не существующая мировая гармония, а то значение материального мира, о котором говорилось выше, и собственная роль в нем. Буддийские монахи десятилетиями ведут аскетическую жизнь, стремясь достичь просветления, греки достигали его противоположным способом.

Ни этот способ, ни соответствующий культ не нравился Эволе, слишком “хтоническими” они ему казались. Он не понял, почему Ницше видел смысл жизни в самой жизни; по представлениям Эволы, этот смысл ей могло придать только иное, трансцендентное измерение, и главные импульсы могли исходить не о самой жизни, а от начала, которого выше нее./

J. E v o l a .
Chevaucher
le tigre. p.62-63./
На самом деле это “высшее начало” не только не придает жизни никакого смысла, но и само существует исключительно благодаря ей.

Нарисованная здесь картина мира может показаться удручающе механистичной, но это только из-за ее непривычности. Мы привыкли, точнее, нас приучили уповать на некую высшую силу, олицетворяющую в наших глазах Добро, но достаточно ли зорки наши глаза, чтобы проникнуть в истинную суть этой силы? Индусы, например, видят все по-иному. Будда считал, что для объяснения мира мы не нуждаемся в каком-либо боге: вполне достаточно будет закона кармы. Колесо космического порядка движется без создателя, без известного начала и будет существовать вечно. /С.Радхакришнан. Индийская философия. М.1956. т.1. с.302, 317./ И в ортодоксальном индуизме тот же “закон кармы требует от нас, чтобы мы отказались от всяких представлений о божественном покровительстве, капризах и произволе”./Там же. с.387./

Перед нами опять все тот же образ колеса, только индусы не понимают, почему и зачем оно крутится, поэтому их высшее желание – вырваться из круговорота и достичь единения с Мировой Сущностью, но поскольку есть две таких сущности, а вовсе не одна, человеческая душа, не познавшая своей собственной сущности и отказывающаяся от нее, попадает не в рай и не в ад, а как бы оказывается между двумя жерновами и, не имея внутренней воли к материализации, просто аннигилируется.

А как же с воздаянием? Что же, человек и его придумал, как Бога и Дьявола? Нет, все не так просто. Человеческое чувство справедливости является отражением общих законов природы. Подобно тому, как движение планет в солнечной системе сбалансировано по законам физики, так и закон кармы устанавливает баланс справедливости в человеческих деяниях.

Для установления этого баланса одного земного воплощения явно недостаточно. Необходимо как минимум два. В открытом времени это два разных человека, в замкнутом – как бы две субличности одной и той же сверхличности, причем они играют взаимно компенсирующую роль. Невезение и несчастье в одной жизни компенсируется везением и счастьем в другой, насилия, совершенные одной субличностью, обращаются в насилия, которые приходится терпеть другой, потому и говорится: “Не делайте другому того, чего не желали бы себе”. Сумма индивидуальных компенсаций должна, в конечном итоге, обеспечить равновесие Вселенной.

Точно так же обстоит дело и с судьбами целых народов, только время их существования в каждом цикле на-

много превышает время жизни человека и равно примерно двум тысячам лет. Этот период в свою очередь делится на четыре квадранта по 500 лет. В античном цикле первый квадрант (1500 – 1000 г. до н. э.) это время первых, нестойких объединений (Микенский период, времена Троянской войны), второй квадрант (1000 – 500 г. до н. э.) – период раздробленности, третий (500 – 0 год) – период наиболее активной деятельности: в этот период происходит борьба Афин и Спарты, затем возвышение Македонии и подчинение Греции Риму. Последний квадрант (0 – 500 г. н. э.) – противостояние двух сверхдержав – Рима и Парфии (Персии), причем обе они в конце концов терпят крах.

В нашем цикле первый квадрант (500 – 1000 г.) это время империи Карла Великого и ее распада, второй (1000 – 1500 г.) – период т. н. феодальной раздробленности, третий (1500 – 2000 г.) – пик активности, борьба Франции и Германии за европейскую гегемонию, создание Британской империи, и, наконец, противостояние двух сверхдержав – США и СССР.

Аналогии очевидны. В обоих циклах действуют пять основных элементов, в одном – Рим, Персия, Афины, Спарта, Македония, в другом соответственно – США, Россия, Франция, Германия, Англия. Совпадения прослеживаются даже по линии наиболее крупных личностей: Наполеон, например, соответствует Александру Македонскому, корифей греческой философии и драматургии снова рождаются под другими именами в Германии и Франции... Но, придется повторить: события представляются цикличными только в открытом времени, в замкнутом же они идентичны. И люди тоже.

Однако, если говорить конкретно о России, то нам рассчитывать, что у нас в запасе еще 500 лет, не придется. Русский цикл повторяет персидский, а тот насчитывал не две, а всего полторы тысячи лет – в нем были совмещены два первых квадранта, а в нашем – два последних. Придя к этому 20 лет назад (приложение 3 “Метаистория России” к статье “Время и бессмертие”), я сам не поверил, что Россия может так быстро выбыть из числа субъектов мировой истории, и тем более не предполагал, что это произойдет на моих глазах.

Следует пояснить, что речь вовсе не идет об исчезновении России с географической карты. Иран тоже не прекратил свое существование с крахом империи Сасанидов, а существует до сих пор. Изменилась лишь историческая роль этого государства, она пере-

стала быть перестепенной. То же самое происходит и с Россией: она стремительным темпом превращается во второсортную державу и скаты-

вается на уровень Бразилии, которая тоже обладает огромной территорией, и численность ее населения почти такая же, но для мировой истории как-то вообще безразлично, есть на свете Бразилия, или ее нет.

Кризисный момент переживает, однако, не только Россия. Весь мир подошел к переломной грани и стоит на пороге новой эпохи. Мы находимся в той фазе нашего цикла, которой в предыдущем цикле соответствует появление христианства. Эта идеология развивается по своему циклу, тоже двухтысячелетнему, но в нем прослеживается дополнительная закономерность: периоды полураспада в убыстряющемся темпе (см. приложение 2 “Циклическая спираль” к той же вышеупомянутой работе). Через тысячу лет происходит раскол между православием и католичеством, еще через 500 лет происходит Реформация, еще через 250 лет протестантские теоретики выступают в роли организаторов масонства, через 125 лет масонство находит соперника в лице марксизма, через 60 лет от социал-демократов откалываются коммунисты, еще через 30 лет советские коммунисты ссорятся с китайскими. На начало 80-х годов я прогнозировал новый раскол, и он произошёл – появились “еврокоммунисты”. Ну а к середине 90-х годов спираль должна была сжаться и...

Согласно христианским верованиям, должен вторично явиться Христос. Предусмотрительно сделана оговорка, что времени этого явления никто знать не может. Время сейчас как раз наступает, но христиан ждет жестокое разочарование. Явится не Христос, а новая религия, альтернативная христианству.

Вспомним, чем было христианство в предыдущем цикле. Оно пришло в этот арийский цикл из еще более раннего шумеро-семитского (вавилонского цикла), длившегося тоже 2000 лет, в котором еврейская религия, послужившая его базой, была периферийной. Соответственно, по закону компенсации, новая религия должна прийти в наш проевреенный мир из предыдущего, арийского цикла.

И тут самое время вспомнить альтернативу Ницше: Дионис против Распятого./Ф.Ницше. Воля к власти. с.177./ Она известна давно, но до сих пор не понята ее суть, затемненная ассоциациями с оргиями и пьянкой. А суть-то совсем другая: вера в бессмертие в этой жизни, а не в потусторонней жизни, на “том свете”.

В этом смысл изречения Ницше “центр всюду”. Он сам пояснял: “Когда жизненный центр тяжести переносит из жизни в “потустороннее” – в ничто, то тем самым вообще лишают жизнь центра тяжести”./Ф.Ницше. Антихрист. Сочинения. т.2. М.1990. с.667./

Учение Ницше не только альтернативно, но и диаметрально противоположно христианскому. Значит, именно из него, по закону компенсации, и должна развиваться новая религия.

Любопытно, что Уильям Миллер, основатель секты адвентистов, предсказывал второе пришествие Христа на 1844 год. Это год рождения Ницше.

Сам Ницше, когда он уже находился в состоянии помрачения, подписывал свои безумные письма то “Дионис”, то “Распятый”. Две субличности соединились в одном сознании, и человеческий разум не вынес этой страшной нагрузки.

Явление Ницше было преждевременным, поэтому и весть, которую он принес миру, по необходимости оказалась недоношенной и неполноценной. Можно строить разные гипотезы относительно того, почему это произошло именно так, а не иначе, но это вряд ли поможет в решении главной задачи, которая стоит сегодня. Задачу эту можно сформулировать следующим образом: 1) Наследие Ницше является основой для будущей главной религии человечества, 2) Наследие это несовершенно и нуждается в творческом развитии. Из всего сказанного выше явствует, что развитие это должно осуществляться отнюдь не в том русле, в какое его пытался направить Ю.Эвола.

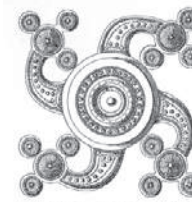
И не в том направлении. Эвола звал всех, кто изъявлял желание слушать его зов, на Север, противопоставлял Север и Юг и даже подводил под это противопоставление метафизическую базу. Ницше же призывал мечтать об “освобождении... от Севера” каждого, кто, по его выражению, “любит Юг, как люблю его я, как великую школу оздоровления в умственном и чувственном смысле, как страну, изобилующую светом и солнечным сиянием”./Там же. с.375./

Юг Ницше излучает тепло жизни, от Севера Эвола веет холодом смерти. Дело, конечно, не в температуре и не в климатических условиях, а все в той же альтернативе: этот мир или тот свет, вечность в этом мире или в потустороннем. Только с одной поправкой: Ницше проповедовал вечное возвращение оставаясь в плену представлений об открытом времени, тогда как в замкнутом времени правильней говорить не о вечном возвращении, а о вечном бытии.

Антагонистические космические силы сбрасывают свои противоречия на мир, постоянно нарушая его гармоничность, а мир в свою очередь время стремится эту гармоничность восстановить. От этого зависит как существование самого мира, так и участников космической свары.

Бессмысленное страдание, бессмысленное кручение в колесе – все это, оказывается, имеет смысл и все это компенсируется, потому что в основе мира заложено непреодолимое стремление к гармонии, частным случаем которой является вечная справедливость.

Божество не спускается на землю с облаков, как парашютист-десантник, оно родится на Земле и не один раз, оно порождается самой этой Землей, теплой, живой Землей, а не безжизненными льдами, сковывающими ее полюса.

Интеллектуальный обмен в рамках Ассоциации “Европейские Синергии” значительно расширил наши творческие связи. Один из наиболее интересных контактов - с Туле-семинаром, обществом по изучению индоевропейской культуры.

Организационный центр Туле-семинара находится в Касселе (ФРГ). Его руководители – д-р Пьер Кребс и издатель Буркхарт Веекке. Общество претендует на роль двигателя культурной революции пробуждающейся Европы, которая вспомнила об ином своём бытии на заре этноса и с новыми силами возвращается на путь самобытности.

Туле-Семинар объединяет европейских-язычников и называет себя авангардом новой Партии Духа, кузницей метаполитических идей для будущего европейского нового порядка. Особое внимание он уделяет языческому религиозному наследию.

В документах Семинара утверждается, что давний спор между “правыми” и “левыми” становится всё более нелепым. Новый рубеж разделяет приверженцев многорасового общества и защитников этно-культурной самобытности. Туле-Семинар выступает за право на разнообразие, его модель – это разнородный мир однородных народов.

Метаполитику руководители Семинара определяют как предварительную идейную работу с целью подготовки завтрашних политических движений. Эгалитарная интеллигенция видит в этой деятельности угрозу для демократии.

Туле-Семинар стремится вернуть немецкому народу “нищенское здоровье”. СМИ наклеило ярлык “новых правых” на движение, которое само никогда не называло себя ни правым, ни левым. Это движение за новую индоевропейскую культуру. Его метаполитика – это стратегия культурной революции, которая предшествует революции политической.

Туле-Семинар противопоставляет эгалитаризму дифференциалистскую альтернативу (этот трудно произносимый эвфемизм придуман Аленом де Бенуа, чтобы не употреблять однозначный термин “расизм” – примечание редакции).

Главным политическим врагом объявляются США, а главным идейным врагом – христианская теология, которую О.Шпенглер называл бабушкой большевизма.

“Новая культура” демократична в смысле органической демократии древних народных собраний, вроде славянского вече, но не в смысле идеологии “прав человека”, – идеологии, отвергающей права народов.

На движение за новую культуру наклеивают ярлык расизма, тогда как на самом деле оно выступает всего лишь за этноплюрализм.

Туле-Семинар стоит на позициях Грамши и А. Де Бенуа: прежде чем завоевать политическую власть, нужно завоевать власть в области культуры.

Органами “новой культуры” Туле-Семинар считает издания Роберта Стойкерса в Бельгии, Майкла Уокера

ТУЛЕ- СЕМИНАР

Die neue Partei des Geistes

Das »Thule-Seminar« stellt sich vor

в Англии, Алена де Бенуа во Франции, Марко Тарки в Италии и ряд других. В их число попали и “Элементы” А. Дугина, но, очевидно, лишь по той причине, что этот список датирован 1995 годом. С тех пор Дугин успел стать православным фанатиком-строообрядцем, так что к “новой культуре” в трактовке Туле-Семинара отношения он больше не имеет.

Туле-Семинар входит в систему Европейской Синергии. Никого из мыслителей прошлого Туле-Семинар не считает своим “главным теоретиком”. Свои идеи он черпает у многих. В доказательство этого приводится список, в котором почти полсотни имён философов и писателей. В их числе: Ф. Ниц-

ше, Р. Вагнер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, Ю. Эвола, В. Зомбарт, К. Лоренц, В. Парето, Ж. Сорель, М. Вебер, Ж. Дюмезиль, М. Элиаде, Э. Юнгер, А. Де Монтерлан, Г. Бенн, Э. Паунд, К. Гамсун, С. Гедин, К. Шмидт, П. Ж. Прудон, С. Георге, Д. Г. Лоуренс, а также де Сент-Экзюпери, Сен-Лу, Дж. Локк, Ж. Де Майе, Г. Ю. Айзенк и др.

“Новая культура” ищет свои философские корни в древней Индии и у греческих досократиков, философия которых была позже искажена еврейско-христианским универсализмом.

Философия “новой культуры” объявляет себя номиналистской и экзистенциальной одновременно.

Новая школа европейской культуры ставит жизнь выше мировоззрения, душу выше духа, восприятие выше интеллекта, характер выше разума.

Новая школа решительно выступает против т.н. франкфуртской школы, против неомарксизма Г. Маркузе и фрейдомарксизма Э. Фромма, против любых абсолютистских систем, которые несут с собой идеи детерминизма, единственной истины или монотеизма, порождающие тоталитаризм. Общий знаменатель всех этих систем – универсализм, т.е. учение о равенстве Аристотеля и Фомы Аквинского, иудеохристианства и марксизма.

За кризисом церкви стоит ещё более глубокий кризис христианской теологии, которая не в силах больше согласовать свои противоречия и догматические утопии с объективной реальностью. Но Туле-Семинар и против сведения всех явлений к одному фактору – к экономике как у Маркса, к сексу как у Фрейда и т.п.

В области экономики Новая школа как против коллективистски-тоталитарной, так и против капиталистически-либеральной систем. Экологические соображения выше экономических.

Туле-Семинар – за право народов на разнообразие. История для него не музей, а интерактивное взаимодействие прошлого и настоящего. Будущее имеет лишь тот народ, который сохранил свою изначальную генетическую субстанцию.

Этноплюрализм предполагает также плюрализм ценностей. У каждого народа своё понимание истины, не действительно для другого народа. Разным психическим загадкам соответствуют разные взгляды на мир и на людей в их отношении к Космосу, на жизнь в её конкретных проявлениях и на смерть.

В универсализме идеи затмевают людей; дифференциализм органичен, для него люди – на первом плане.

Наша эпоха – эпоха масс, общества потребления и господства идей равенства. К. Лоренц сравнивал это состояние с тепловой смертью. Эпоха, которую предвещает движение за новую культуру, – это эпоха иерархии.

Туле-Семинар – это интеллектуальное объединение, цель которого – дать новое определение европейским ценностям на метаполитическом уровне. Это исключает политическую деятельность и связи с какими-либо политическими партиями.

А.Иванов